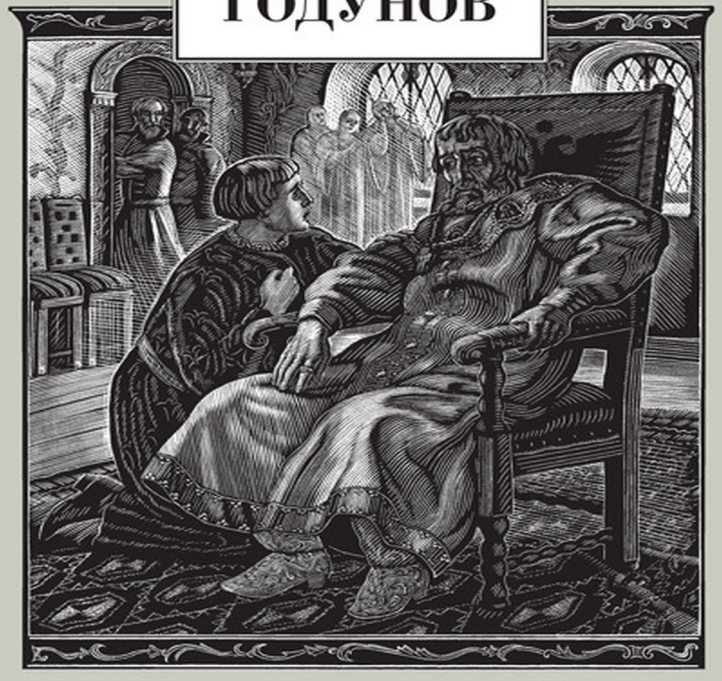
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. Пушкин

БОРИС ГОДУНОВ



Борис Годунов

Александр Сергеевич Пушкин

Аннотация
Александр Сергеевич Пушкин. Борис Годунов
С. М. Бонди. Драматургия Пушкина. Трагедия «Борис Годунов»
Борис Годунов. Трагедия
- Кремлевские палаты
- Красная площадь
- Девичье поле. Новодевичий монастырь
- Кремлевские палаты
- Ночь. Келья в Чудовом монастыре
- Палаты патриарха
- Царские палаты
- Корчма на литовской границе
- Москва. Дом Шуйского
- Царские палаты
- Краков. Дом Вишневецкого
- Замок воеводы Мнишка в Самборе
- Ночь. Сад. Фонтан
- Граница литовская
- Царская дума
- Равнина близ Новгорода-Северского
- Площадь перед собором в Москве

Севск
Лес
Москва. Царские палаты
Ставка
Лобное место
Кремль. Дом борисов. Стража у крыльца
Сцены, исключенные из печатной редакции
Д. Д. Благой. Примечания

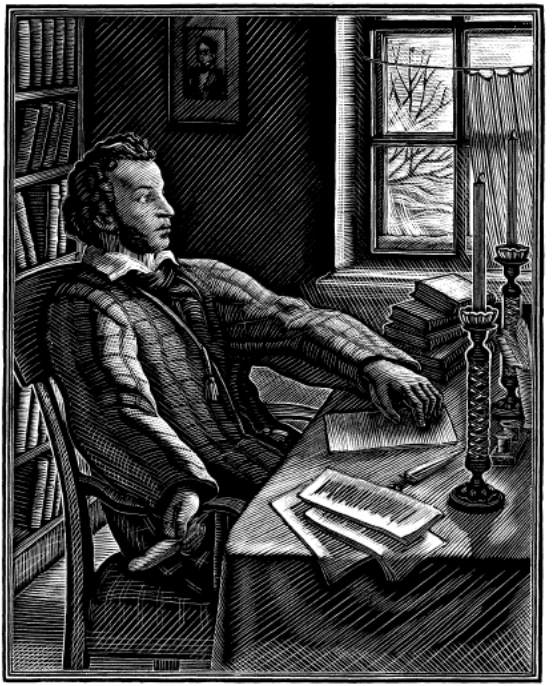
Аннотация

Историческая, реалистическая по замыслу драма «о настоящей беде Московскому государству, царе Борисе Федоровиче Годунове и Гришке Отрепьеве», принадлежащая к величайшим творениям Пушкина.

Александр Сергеевич Пушкин
Борис Годунов

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, 2002
© С.М. Бонди. Вступительная статья, наследники
© Д.Д. Благой. Примечания, наследники
© В.А. Фаворский. Гравюры, наследники

* * *



А. Пушкинъ

1799—1837

С. М. Бонди
Драматургия Пушкина
Трагедия «Борис Годунов»

В конце 1824 года у Пушкина возникает замысел трагедии шекспировского типа («романтической» в пушкинском смысле, то есть свободно созданной, игнорирующей все правила поэтики классицизма).

Драматическая, театральная форма в эту эпоху оказывается для Пушкина наиболее адекватной формой для нового, объективного, реалистического изображения жизни. Здесь Пушкин мог создать произведение, в котором не видно было бы автора, без тенденции, без лирики… Рядом с такими произведениями, как средние главы «Евгения Онегина» и «Граф Нулин», где уже вполне торжествует реалистический метод, но где все же ярко выраженный лирический или иронический тон выдает автора-рассказчика и его отношение к описываемому им, — рядом с этими произведениями возникает трагедия «Борис Годунов».

Тема нового драматического замысла подсказывалась Пушкину его отношением к театру, к

его задачам. Это отношение оставалось тем же, что и раньше: театр как наиболее непосредственно и мощно действующее искусство привлекался для разрешения тех же общественных, политических проблем. Но разрешать их он должен был совершенно иными методами.

Размышления Пушкина о причинах неудач революционных восстаний, о решающей роли народа в судьбе революции, о царской власти и причинах ее силы и слабости, о социальных силах, движущих историю в ее критические моменты, — вот вопросы, разрешавшиеся в новой трагедии на историческом материале. События русской истории конца XVI — начала XVII века, о которых Пушкин, прочитав Карамзина, говорил: «Это трепещет жизнью, как вчерашняя газета»[1], давали прекрасный материал для широкой постановки проблем в аналогичных исторических условиях.

Изображение событий жизни без всякого схематизма, без рационализирования, во всех часто неожиданных противоречиях Пушкин нашел у Шекспира, нашел воплощенным то, к чему он пришел сам в своем творчестве, — стремление

---

[1] Примечания: 1
Подлинник по-французски.

отойти от грубой тенденциозности, от метода проведения той или иной идеи, «любимой мысли» или устами действующих лиц, или каким-либо иным событием в угоду этой мысли, искажающим живую, подлинную психологическую или историческую реальность.

Стремясь взглянуть в своей драме на события «взглядом Шекспира», Пушкин, конечно, принужден был совершенно изменить свою драматургическую манеру. Вся система трагедии французского классицизма с ее стройным течением и строгими условностями — система, столь подходящая для резко «тенденциозных», почти агитационных замыслов предшествовавшего «декабристского» периода, здесь оказалась непригодной — и Пушкин пустился в открытое море свободной драмы, законы и правила которой определялись только требованиями художественной выразительности и реалистической правды. Пушкин располагает свою трагедию «по системе отца нашего Шекспира».

Подобно Шекспиру, он дает своим героям свойственный «вольному и широкому изображению характеров» способ выражения, свободный и разнообразный, по мере надобности то торжественный, то простой и грубый, в отличие от

«жеманного» и «напыщенного» языка французской трагедии.

От Шекспира Пушкин берет и совершенно естественное в этой системе совмещение в одной пьесе сцен трагических, серьезных — и комических, что невозможно было во французской трагедии с ее «придворными обычаями».

Наконец, вслед за Шекспиром Пушкин окончательно отказывается от традиционных единств места и времени, от рифмованного попарно александрийского стиха, столь удобного для великолепной декламации, для изящных и умных сентенций, но совершенно чуждого живой выразительности реалистического театра. Наряду с нерифмованным пятистопным ямбом, он вводит в драму прозаические реплики и целые сцены, написанные прозой.

Надо заметить, что ряд свойств шекспировской драмы, столь же существенных, как и только что названные, и так же вызывавших многочисленные подражания, остался совершенно чуждым Пушкину. В отличие от Байрона, который весь, всем своим творчеством захватил юного Пушкина, Шекспир нужен был ему только теми его сторонами, которые отвечали собственной эволюции, поддерживали его на новом этапе.

Пушкин нигде не говорит о таком важном и существенном моменте творчества Шекспира, как титаничность страстей его героев (Лира, Ричарда, Отелло), — эта сторона осталась чуждой Пушкину.

Чуждым осталось Пушкину, как будет подробно показано ниже, и свойственное Шекспиру богатство, разнообразие и детальность разработки отдельных драматических ситуаций, тщательное развитие тех или иных психологических моментов.

Никак не отразился в творчестве Пушкина и тот роскошный, полный метафор, риторических оборотов и поэтических фигур язык, которым постоянно говорят герои Шекспира. Этот расцвеченный язык считался у английских писателей, современников Пушкина, одним из основных признаков шекспировского стиля. Пушкину такой стиль речей шекспировских персонажей был чужд.

Наконец, совершенно в стороне оставил Пушкин одно из основных, типичных свойств Шекспира, как его понимали в начале XIX века, — участие фантастического элемента в пьесах.

«Борис Годунов» был задуман как трагедия политическая и историческая. Это не пьеса о

Борисе Годунове как «трагическом герое» или о Григории Отрепьеве — это прежде всего драма, воспроизводящая исторические события, «комедия о настоящей беде Московскому государству» и — уже во вторую очередь — «*о* царе Борисе и о Гришке Отрепьеве». Вот почему, «располагая трагедию по системе отца нашего Шекспира», по собственному выражению Пушкина, он за образец взял не его прославленные трагедии, о которых он нам оставил столько восхищенных отзывов, а шекспировские исторические хроники, которые, как характеризует их Гизо в своем предисловии к переводу Шекспира (1822), «представляют множество эпизодов и сцен, которые скорей заполняют действие, чем двигают его. По мере того как события проходят перед ним, Шекспир останавливает их, чтобы выхватить несколько деталей, определяющих их физиономию».

Пушкину нужно было именно это непринужденное чередование отдельных сцен, в своей совокупности незаметно создающих грандиозную картину исторического события, народного движения. Никакой группировки событий вокруг героя трагедии, никакого насилия над историческим материалом Пушкин не хотел производить.

Не надо драматизировать, театрализовать историю — она сама по себе достаточно драматична. Свой замысел Пушкин определял как «мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории».

Первые четыре сцены (Шуйский и Воротынский, две народные сцены и первое появление избранного на царство Бориса) представляют собою нечто вроде пролога, события которого отделены пятью годами от основного действия трагедии. Здесь дана экспозиция драмы — недовольство Борисом готовых ко всяким козням бояр, равнодушие пока еще пассивного народа; зритель узнает и о давнишнем преступлении Бориса, играющем такую важную роль в его дальнейшем поведении.

В следующих четырех сценах (с 5-й по 8-ю) завязка будущей борьбы Бориса с Самозванцем: Григорий в келье Чудова монастыря, рассказы Пимена, зарождающие в Отрепьеве замысел объявить себя Димитрием, побег через границу, обнаруживающий необыкновенную находчивость и смелость будущего Самозванца. Контрастом этой восходящей линии Григория является 7-я сцена («Царские палаты»), показывающая, наоборот, глубокий упадок духа Бориса, его разо-

чарование, вызванное сознанием отчуждения и враждебности к нему народа и усугубленное угрызениями совести.

В дальнейших двенадцати сценах развертывается борьба Бориса и Самозванца, показанная в ряде последовательных разнообразных перипетий. Так как решающую роль в этой борьбе играет «мнение народное», то этой внутренней, подпольной стороне отведено столько же места, если не больше, чем прямым и непосредственным столкновениям. Сначала показано действие слухов о появлении Самозванца на недовольных бояр и на царя — сцены 9-я и 10-я; в обеих сценах высказываются многозначительные опасения о поведении народа, когда до него дойдет весть о Димитрии. Далее мы видим Григория в его новой роли и группирующиеся вокруг него силы самых разнообразных врагов Бориса (сцены 11-я — 13-я). В этих трех «польских» сценах Самозванец обнаруживает во всем блеске свою богатую и беспокойную натуру. Две параллельные сцены (14-я — «Граница Литовская» и 15-я — «Царская дума») еще раз демонстрируют контрастные настроения в двух противных лагерях в момент, непосредственно предшествующий столкновению, — радость, веселые надежды, вы-

сказываемые устами молодого Курбского и слегка омраченные угрызениями совести ведущего на Русь войско интервентов Самозванца, и угнетенное настроение в Москве, «тревога и сомнение» в народе (в последней сцене Борис впервые слышит публичное обвинение его в убийстве царевича, нечаянно высказанное устами глуповатого патриарха). В 16-й сцене происходит битва, кончающаяся победой Самозванца. Объяснение этой победы дается в репликах бегущих воинов Бориса («Тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича, а мы ведь православные!»).

В следующей картине («Площадь перед собором...») на сцене снова народ — еще пассивный, но уже явно враждебный Борису, устами юродивого бросающий «царю Ироду» страшное обвинение. Две соседние сцены (18-я и 19-я) происходят в лагере Самозванца, до и после сражения, окончившегося разгромом его войск. В словах пленного в сцене 18-й мы снова слышим невольное сочувствие Самозванцу Борисовых воинов, причем здесь оно уже не мотивируется верой в его царское происхождение:

А говорят о милости твоей,

Что ты, дескать (не будь во гнев), и вор,

А молодец.

Самозванец (который появляется в 19-й сцене в последний раз) показывает свое добродушие, простоту в обращении, бесстрашие, непреоборимую (даже после полного поражения) веру в окончательный успех своего предприятия, заражающую его приверженцев. Эти две сцены, дающие картину делового, бодрого, несмотря на неудачи, настроения, товарищеских, простых отношений Самозванца с окружающими, сменяются мрачной картиной последнего дня Бориса. Сначала разговор с Басмановым, начинающийся пессимистической оценкой военных успехов над Самозванцем:

Он побежден, какая польза в том?

Мы тщетною победой увенчались, —

и заканчивающийся последним жестоким выводом Бориса, подытоживающим его отношения с народом:

Лишь строгостью мы можем неусыпной

Сдержать народ…

. .

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Далее следуют честолюбивые размышления интригана Басманова, прерванные суматохой бояр и появлением умирающего Бориса, и, наконец, знаменитая сцена смерти Бориса — его предсмертные наставления сыну, присяга бояр и принятие схимы.

Если бы драма Пушкина была драмой о Борисе Годунове, то здесь она должна была кончиться, так как главный герой погиб и дело, за которое он боролся, также явно потерпело поражение. Но у Пушкина за этой сценой следуют еще три. Объяснение, что Пушкин хотел договорить до конца, показать и судьбу наследников Бориса и его вдовы, кажется мне наивным: ведь о дальнейшей судьбе любимой дочери Бориса Ксении мы все-таки ничего не узнаем в трагедии. Нет, здесь, конечно (как уже не раз было указано), дело в том, что в этих последних сценах трагедии появляется во всей своей мощи главное действующее лицо драмы — народ. В сцене «Ставка» в монологе Пушкина мы слышим резюмирующее суждение

о решающей роли народа в происходящей борьбе — знаменитые слова *«о* мнении народном», которое оказывается сильнее военной силы и «польской помоги». С этим суждением соглашается и Басманов, и, надо думать, оно выражает основную оценку всей исторической ситуации и основной политический вывод самого автора.

Наконец, в двух последних картинах — народ как активная, решающая сила в виде бушующей мятежной массы в сцене у Лобного места и как моральная сила грозной в своем единодушном осудительном молчании толпы в последней сцене.

При этом беглом обзоре главной сюжетной линии совершенно не были затронуты другие существенные стороны пушкинской драмы — развитие характеров главных персонажей и показ целой толпы исторических типов и фигур, глубоко реалистически и тонко обрисованных (отчетливо индивидуализированные фигуры бояр, духовенства, воинов, народа), и многое другое. Все же из этого обзора ясно видна, как мне кажется, композиционная стройность и цельность «Бориса Годунова», обусловленная определенным идейным замыслом: показать подлинную, живую историческую картину, дать

в театральном действии анализ движущих сил революционного народного движения. Собственные выводы, собственное отношение Пушкин постарался самым усердным образом скрыть, отчасти, может быть, и желая «спрятать уши под колпак юродивого», но главным образом, конечно, по соображениям принципиальным. Такова была, как сказано выше, его новая установка — полная объективность, «бесстрастие», «никакого предрассудка, любимой мысли… Свобода».

Эту сторону «Бориса Годунова» сразу же оценил Вяземский, который писал А. И. Тургеневу: «…истина удивительная, трезвость, спокойствие. Автора почти нигде не видишь. Перед тобой не куклы на проволоке, действующие по манию закулисного фокусника…»

В «Борисе Годунове» Пушкин следовал Шекспиру — и тем не менее, как уже говорилось, создал произведение, в целом ряде существенных моментов сильно отличающееся от шекспировских пьес. Здесь сказались индивидуальные пушкинские черты, характерные и для его творчества в целом, и для данного этапа его художественного развития.

Такой особенностью прежде всего является беспримерный лаконизм, краткость пушкинских

сцен. Эта черта свойственна всему творчеству Пушкина, но здесь, в применении к театру, она приобретает особое значение.

Пушкину в «Борисе Годунове» совершенно чуждо основное свойство драматурга Шекспира — широкое, тщательно проведенное развитие, разработка данной ситуации, нередко переходящая из сцены в сцену. Там, где Шекспир использует ту или иную ситуацию для сложной и тонкой театральной игры, не только сохраняя психологическое «правдоподобие», но больше того — в этом длительном и разнообразном развитии положения находя все более тонкие и глубокие стороны и оттенки чувства и переживания, там Пушкин ограничивается чаще всего простым скупым и кратким изображением события.

Другое коренное отличие «Бориса Годунова» от шекспировских драм состоит в следующем: при всей удивительной глубине и правдивости психологии у Шекспира во многих случаях самые речи действующих лиц, их диалоги и особенно монологи имеют не чисто реалистический, а «условный» характер. Эти речи с необыкновенной яркостью, силой и тонкостью вскрывают сложное и противоречивое развитие данного характера, страсти,

переживания — они раскрывают внутренний мир данного лица с необычайной глубиной и правдивостью, но таких речей, таких слов в реальной действительности человек в данном положении не стал бы произносить.

Пушкин в «Борисе Годунове» среди прочих условностей отвергает и эту — его герои не только действуют, но и говорят в каждом данном положении так, как они стали бы говорить в действительной жизни. Они не объясняют себя зрителям, за исключением, пожалуй, одного монолога Бориса: «Достиг я высшей власти», вернее, последних стихов этого монолога. Все остальные монологи имеют сугубо реалистическую мотивировку: это или рассказ, или размышление вслух.

Стремясь в «Борисе Годунове» к наиболее точному художественному воспроизведению жизни, к максимальной исторической и психологической правде, Пушкин самоотверженно лишил себя целого ряда верных и сильных средств воздействия на зрителя: он отказался от единого главного героя, вокруг которого могло бы группироваться действие, от четко выраженной коллизии, показа борьбы с людьми или иными препятствиями, которую вел бы герой, вообще от отчетливой интриги, которая, развиваясь в

неожиданных перипетиях, поддерживала бы интерес и волнение зрителей. Он отказался от стройной и простой, столь удобной и привычной для зрителя композиции классической трагедии, от длинных, специально написанных сцен, диалогов и монологов, помогающих исполнителю раскрыть перед зрителем данный образ во всей его полноте, и т. д.

Эти жертвы у Пушкина были совершенно сознательными. Он писал: «Отказавшись добровольно от выгод, мне предоставляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий…»[2]

Отвергнув так решительно в «Борисе Годунове» традиционную классическую (и романтическую) театральность, Пушкин создал в нем образец особенного типа «пушкинской» драматургической системы.

С. М. Бонди

---

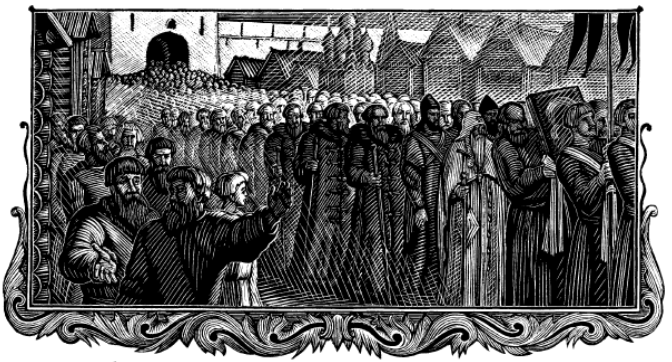
[2] Примечания: 2
Письмо к редактору «Московского вестника», 1827.

Борис Годунов
Трагедия

Драгоценной для россиян памяти
НИКОЛАЯ
МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА
сей труд, гением его
вдохновенный, с благоговением
и благодарностию посвящает

Александр Пушкин

Кремлевские палаты



(1598 года, 20 февраля)

Князья **Шуйский** и **Воротынский.**

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский (глядит в окно)

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:

Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул все мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;

Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;

И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Зачем же ты его не уничтожил?

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Не чисто, князь.

А что мне было делать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.

Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашусь даром.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха…

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Да, кажется.

Ведь Шуйский,
Воротынский…
Легко сказать, природные князья.

Природные, и Рюриковой крови.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Да, боле,
Чем Годунов.

Ведь в самом деле!

Что ж?
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Ухе давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Он смел, вот все – а мы..... Но полно.

Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад —
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

Красная площадь

Народ.

Один

Другой

Третий

Народ

Щелкалов (с Красного крыльца)

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

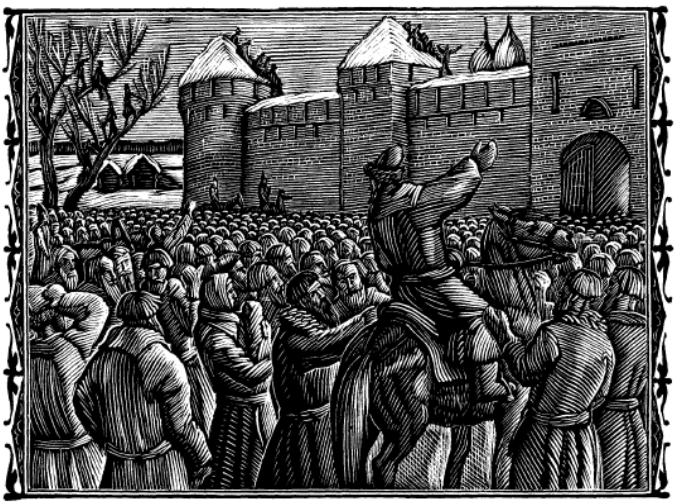
Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш – слушайте!

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвижется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирою Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитеся – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

Девичье поле. Новодевичий монастырь

Народ.



Один

Другой

Третий

Баба (с ребенком)

Один

Другой

Первый

Один

Другой

Народ (на коленах. Вой и плач)

Один (тихо)

Другой

Баба (с ребенком)

Один

Другой

Первый

Второй

Первый

Народ

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Что слышно?

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Право, любо!

Что там за шум?

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,

Дошло до нас; скорее! на колени!

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

О чем там плачут?

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!
(Бросает его об земь. Ребенок пищит.)
Ну, то-то же.

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Я силюсь, брат,
Да не могу.

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

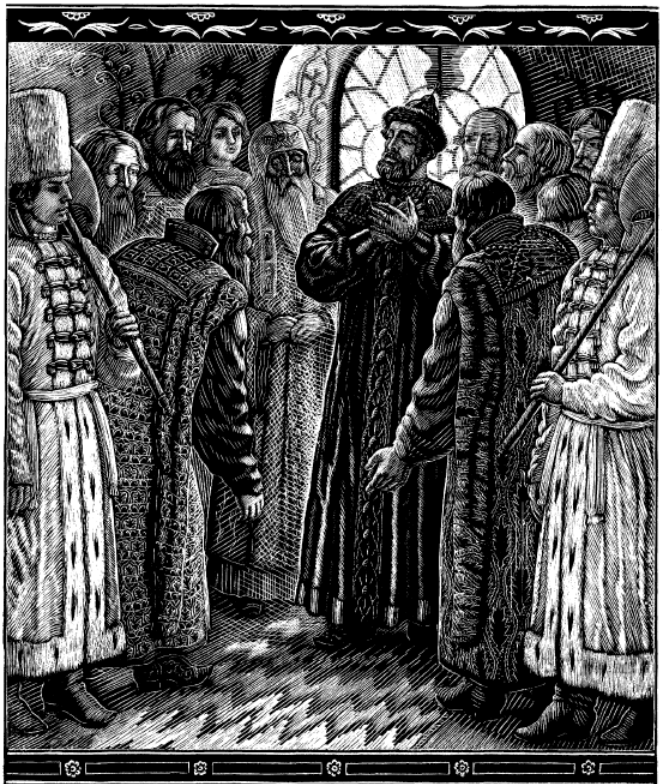
Нет, я слюнёй помажу.
Что там еще?

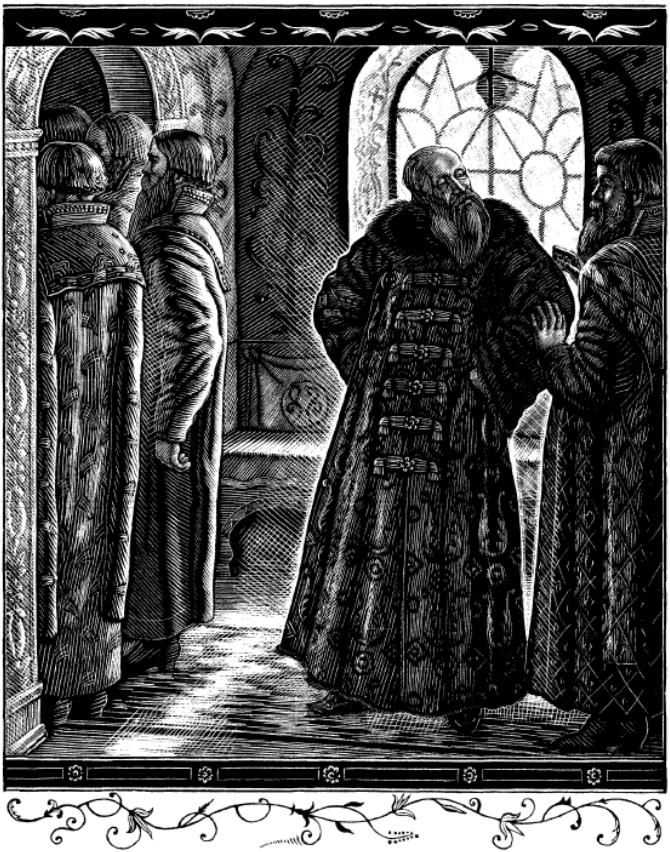
Да кто их разберет?

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

Кремлевские палаты

Борис, патриарх, бояре.





Борис

Бояре

Борис

Воротынский (останавливая Шуйского)

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Шуйский

Воротынский

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,

Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Не изменим присяге, нами данной.

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.
Уходит, за ним и бояре.

Ты угадал.

А что?

Да здесь, намедни,
Ты помнишь?

Нет, не помню ничего.

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил…

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот – народ приветствует царя —
Отсутствие мое заметить могут —
Иду за ним.

Лукавый царедворец!

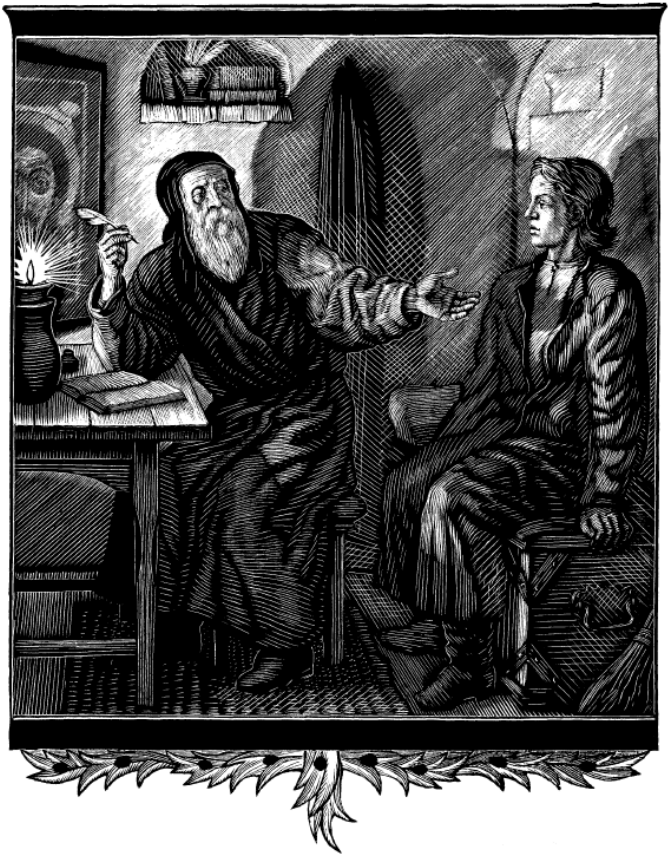


Ночь. Келья в Чудовом монастыре



(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.



Пимен (пишет перед лампадой)

Григорий (пробуждается)

Пимен

Григорий

Пимен

Григорий

Пимен

Григорий

Пимен

Григорий

Пимен

Григорий

Пимен

Григорий

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье. (Пишет.)

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!

Проклятый сон!.. А все перед лампадой

Старик сидит да пишет – и дремотой,

Знать, во всю ночь он не смыкал очей.

Как я люблю его спокойный вид,

Когда, душой в минувшем погруженный,

Он летопись свою ведет; и часто

Я угадать хотел, о чем он пишет?

О темном ли владычестве татар?

О казнях ли свирепых Иоанна?

О бурном ли новогородском вече?

О славе ли отечества? напрасно.

Ни на челе высоком, ни во взорах

Нельзя прочесть его сокрытых дум;

Все тот же вид смиренный, величавый.

Так точно дьяк, в приказах поседелый,

Спокойно зрит на правых и виновных,

Добру и злу внимая равнодушно,

Не ведая ни жалости, ни гнева.

Проснулся, брат.

Благослови меня,
Честный отец.

Благослови господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался…
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне – если я,

Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих, и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:

Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл
многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность

Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святый отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася.
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житие

Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святый владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:

Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Давно, честный отец,
Хотелось мне спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку…
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.

«Вот, вот злодей!» – раздался общий вопль,

И вмиг его не стало. Тут народ

Вслед бросился бежавшим трем убийцам;

Укрывшихся злодеев захватили

И привели пред теплый труп младенца,

И чудо – вдруг мертвец затрепетал —

«Покайтеся!» – народ им завопил:

И в ужасе под топором злодеи

Покаялись – и назвали Бориса.

Каких был лет царевич убиенный?

Да лет семи; ему бы ныне было

(Тому прошло уж десять лет… нет, больше:

Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник

И царствовал; но бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу

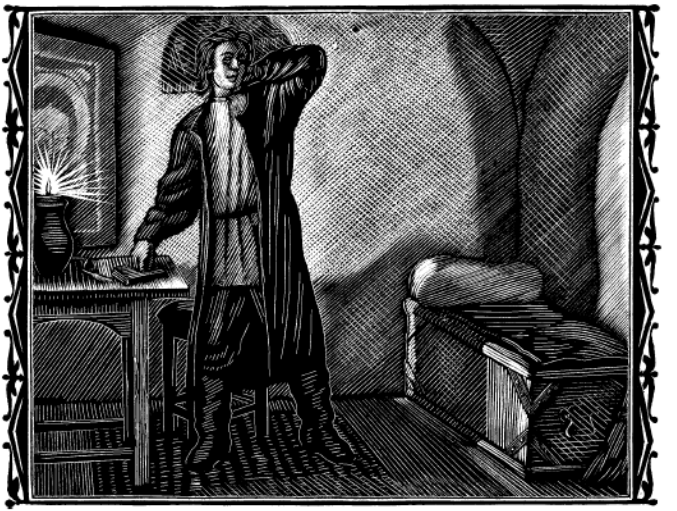
Я летопись мою; с тех пор я мало

Вникал в дела мирские. Брат Григорий,

Ты грамотой свой разум просветил,

Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду… Но звонят
К заутрене… благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.
Уходит.

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.



Палаты патриарха

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святый владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма

грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от господа бога…

Патриарх

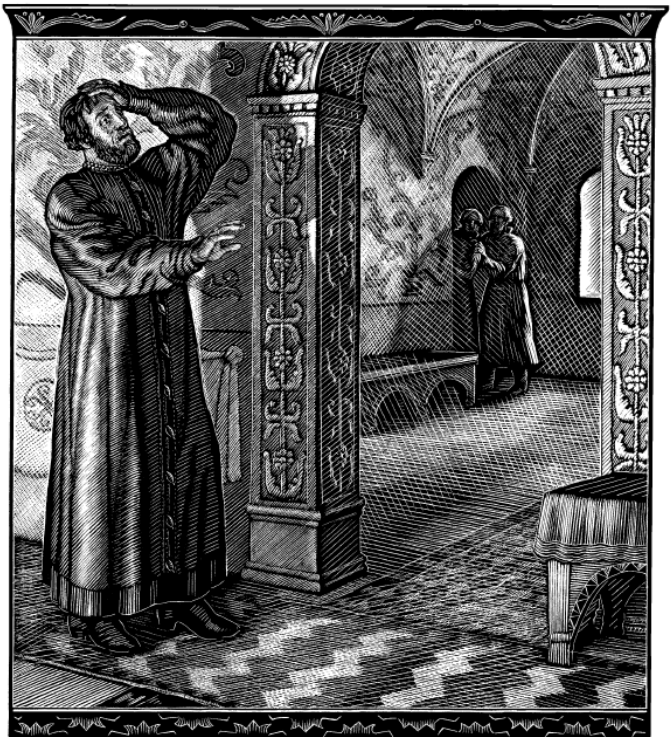
Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд диавольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!..* Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святый владыко, сущая ересь.

Царские палаты

Два **стольника.**



Первый

Второй

Первый

Второй

Первый

Царь (входит)

Где государь?

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи.—
Все ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадает он?

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Как он угрюм!
Уходят.

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем

Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —

Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огнь их домы истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком
—
Как буря, смерть уносит жениха…
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную… всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто… едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,

Единое, случайно завелося,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Корчма на литовской границе

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; **Григорий Отрепьев,** мирянином; **хозяйка.**

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем бог пошлет, хозяюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

Уходит.

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино… да вот и оно!..

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка ***(входит)***

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; **Варлаам** затягивает песню: *Как во городе было во Казани…*

Варлаам ***(Григорию)***

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля…

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку…

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь: и я порой складно говорить умею.

Варлаам

А что мне про себя разуметь?

Мисаил

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал…

(Пьет и поет: Молодой чернец постригся.)

Григорий *(хозяйке)*

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий *(про себя)*

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам…

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных.

Слышен шум.

Что там еще? ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им…

Входят **приставы.**

Пристав

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав *(другому)*

Ба! да здесь попойка идет: будет чем поживиться. *(Монахам.)* Вы что за люди?

Варлаам

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав *(Григорию)*

А ты?

Мисаил

Наш товарищ…

Григорий

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил

Так ты раздумал…

Григорий *(тихо)*

Молчи.

Пристав

Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав *(тихо)*

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы…

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда

да и только. — Ох плохо, знать пришли наши последние времена…

Хозяйка *(плачет)*

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой

еретик, Гришка Отрепьев, слыхал ли ты это?

Мисаил

Не слыхал.

Пристав

Не слыхал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав *(Варлааму)*

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав *(Мисаилу)*

А ты?

Мисаил

Не умудрил господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий ***(выступает вперед)***

Я грамотный.



Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

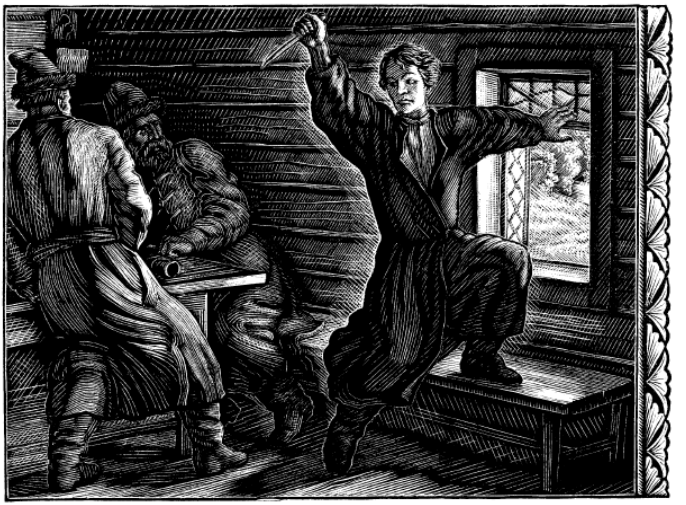
У нашего пономаря.

Пристав *(дает ему указ)*

Читай же вслух.

Григорий *(читает)*

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской…»



Пристав *(Мисаилу)*

Как же не ты?

Григорий

«И царь повелел изловить его…»

Пристав

И повесить.

Григорий

Тут не сказано *повесить.*

Пристав

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Григорий

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду… *(смотря на Варлаама)* за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое…»

Все глядят на Варлаама.

Первый пристав

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам *(вырывая бумагу)*

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. *(Читает по складам.)* «А лет е-му от-ро-ду… 20». — Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав *(Григорию)*

Да ты, брат, видно, забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

Варлаам *(продолжает)*

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж

не ты ли?

Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

Приставы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

Москва. Дом Шуйского



Шуйский, множество гостей. Ужин.

Шуйский

Мальчик

Шуйский (пьет)

Вина еще.

Встает, за ним и все.

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он о́т моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной – а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.

Гости уходят, он провожает их до дверей.

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский *(слугам)*

Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола да ступайте вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Пушкин

Шуйский

Чудеса да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Ну.

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного… постой.
(Идет к дверям и осматривает.)
Державный отрок,
По манию Бориса убиенный…

Да это уж не ново.

Погоди:
Димитрий жив.

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Не может быть.

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Кто ж он такой? откуда он?

Не знают.
Известно то, что он слугою был

У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Что ж говорят об этом удальце?

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Все это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольно.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помя-

нут).

Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнанье.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,

Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали…

Прощай же, князь.

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)



Царские палаты

Царевич, чертит географическую карту. **Царевна, мамка** царевны.

Ксения ***(целует портрет)***

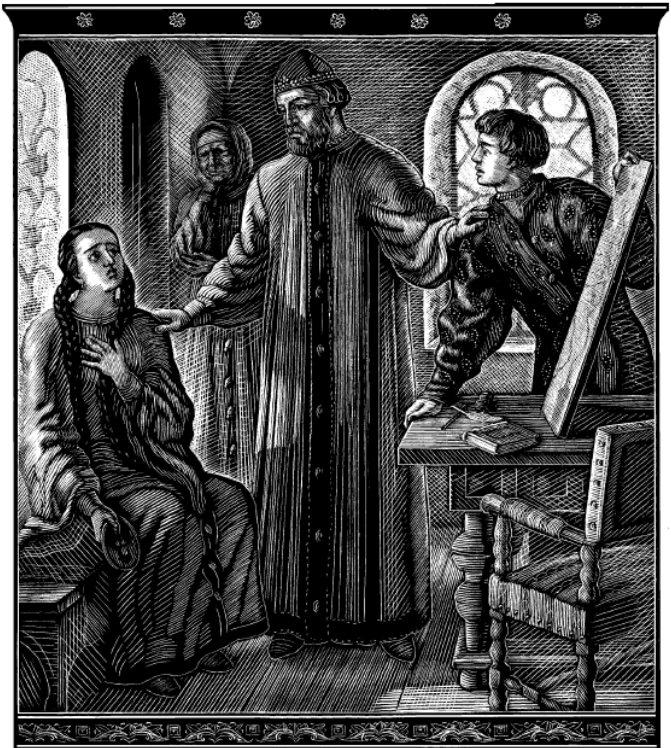
Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.



Входит **Борис.**

Царь

Феодор

Царь

Феодор

Царь

Семен Годунов

Царь

Семен Годунов

Царь

Семен Годунов

Царь

Семен Годунов

Царь

Семен Годунов

Царь

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский (тихо, указывая на Феодора)

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Феодор

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь

Шуйский

Царь (спокойно)

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастие твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? —
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

А это что такое
Узором здесь виется?

Это Волга.

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.
Входит ***Семен Годунов****.*
Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

***Ксения** с **мамкою** уходит.*

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Нынче
Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Ну.

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец – и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Гонца схватить.

Уж послано в догоню.

О Шуйском что?

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,

Да Пушкина – да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Сейчас послать за Шуйским.

Государь,
Он здесь уже.

Позвать его сюда.
***Годунов** уходит.*

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый…
*Входит **Шуйский.***
Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется – ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Я слушаю тебя.

Но, государь…

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Царь, из Литвы пришла нам весть…

Не та ли,
Что Пушкину привез вечор гонец.

Все знает он! – Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Не ведаю.

Но… чем опасен он?

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой

Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!.. Царевич, удались.

Он покраснел: быть буре!..

Государь,
Дозволишь ли…

Нельзя, мой сын, поди.
***Феодор** уходит.*
Димитрия!..

Он ничего не знал.

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Иду.

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Я, государь?..

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего…
Что отрок сей лишился как-то жизни,

Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Клянусь тебе…

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Он.

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня

Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровожденный.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Довольно; удались.
***Шуйский** уходит.*
Ух, тяжело!.. дай дух переведу…
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась – и тяжко опускалась…
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да – вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?

Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего…
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!



Краков. Дом Вишневецкого



Самозванец и pater **Черниковский.**

Самозванец

Pater

Самозванец

Гаврила Пушкин

Самозванец

Пушкин

Самозванец

Курбский

Самозванец

Курбский

Самозванец

Курбский

Самозванец

Поляк

Самозванец

Хрущов (бьет челом)

Самозванец

Карела

Самозванец

Поэт (приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу)

Самозванец

Поэт (подает ему бумагу)

Самозванец

Все

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Вспомоществуй тебе святый Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

Аминь. Кто там?

Входит ***слуга****.*

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит ***толпа русских и поляков****.*

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой. —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.
—
Но между вас я вижу новы лица.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Рад вам, дети.

Ко мне, друзья. – Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

Князь Курбский.

Имя громко!
(Курбскому)
Ты родственник казанскому герою?

Я сын его.

Он жив еще?

Нет, умер.

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

Мой отец
В Волынии провел остаток жизни,
В поместиях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;

Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
– Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да – сына Иоанна…
Всё за меня: и люди и судьба. —
Ты кто такой?

Собаньский, шляхтич вольный.

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать. —
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Так, государь, отец наш. Мы твои

Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь – и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

Мужайтеся, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить

На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Великий принц, светлейший королевич!

Что хочешь ты?

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приближься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.
(Дает ему перстень.)
Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков

Надену я, надеюсь вновь услышать

Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam[3].

Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,

Да здравствует великий князь московский!

---

[3] Примечания: 3

Муза венчает славу, а слава — музу *(лат.).*



Замок воеводы Мнишка в Самборе

Ряд освещенных комнат. Музыка.
Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек

Вишневецкий

Мнишек

Марина (тихо Димитрию)

Кавалер

Дама

Кавалер

Дама

Дама

Кавалер

Дама

Кавалер

Мнишек

Вишневецкий

Он говорит с одной моей Мариной,

Мариною одною занят он...

А дело-то на свадьбу страх похоже;

Ну – думал ты, признайся, Вишневецкий,

Что дочь моя царицей будет? а?

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,

Что мой слуга взойдет на трон московский?

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвил: ну, смотри!

Не упускай Димитрия!.. и вот

Все кончено. Уж он в ее сетях.

Музыка играет польский. ***Самозванец*** *идет с* ***Мариною*** *в первой паре.*

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,

В аллее лип, я завтра у фонтана.

Расходятся. Другая пара.

Что в ней нашел Димитрий?

Как! она

Красавица.

Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки…
Новая пара.

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.
Новая пара.

Когда ж поход?

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Приятный плен.

Конечно, если вы…
Расходятся. Комнаты пустеют.

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей – не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: все как-то приуныло.

Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

И дело, друг, пойдем.



Ночь. Сад. Фонтан

Самозванец *(входит)*

Марина (входит)

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец (тихо)

Марина

Самозванец (встает)

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Марина

Димитрий (гордо)

Марина

Самозванец

Марина

Самозванец

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертию душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?

Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, —
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье…
Но что-то вдруг мелькнуло… шорох… тише…
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Царевич!

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Димитрий! Вы?

Волшебный, сладкий голос!
(Идет к ней.)
Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?

Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,

Помощница московского царя.

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце полно.

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клевретов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры…

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно

На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначенья:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь
—

Как! ежели... о страшное сомненье! —
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, —
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт – и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —

И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

О стыд! о горе мне!
Молчание.

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? —
(Вслух.)
Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду. (бросается на колени)

Встань, бедный самозванец.

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилить?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха…

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной…

Достойные позорной петли, дерзкий!

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,

Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Клянешься ты! итак, должна я верить —
О, верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. —

Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи

Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но – слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
Уходит.

Нет – легче мне сражаться с Годуновым

Или хитрить с придворным езуитом,

Чем с женщиной – черт с ними; мочи нет.

И путает, и вьется, и ползет,

Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.

Змея! змея! – Недаром я дрожал.

Она меня чуть-чуть не погубила.

Но решено: заутра двину рать.



Граница литовская

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и **Самозванец,** оба верхами. Полки приближаются к границе.

Курбский *(прискакав первый)*

Самозванец (едет тихо с поникшей головой)

Курбский

Самозванец

Курбский

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд – пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!

Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!..

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнанье,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству… ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя дер-

жава.

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

Вперед! и горе Годунову!

Скачут. Полки переходят через границу.



Царская дума



Царь, патриарх и **бояре.**

Царь

Басманов

Царь

Патриарх

Князь Шуйский

Царь

Один боярин (тихо другому)

Другой

Первый боярин

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! – Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.
(Уходит с Трубецким.)

Мне свейский государь

Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помога;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.
Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они – таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;

На площадях мятежный бродит шепот,
Умы кипят… их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святый отец, свою поведай мысль.

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:

Но стоит лишь ее раздрать – и сам
Он наготой своею посрамится.
Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу, —
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В младых летах, – сказал он, – я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже сны

Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: – Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив – и я тебя прощу.
– Но кто же ты? – спросил я детский голос.
– Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик. – Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду – и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святый собор, и слушаю обедню
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.

Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: – Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. – И мальчик
Повел меня – и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.
Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз отирает лицо платком.
Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.
Молчание.

Святый отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства – проще.
Так, государь – когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,

Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.
Уходит. За ним и все бояре.

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Я – признаюсь – не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

А выручил князь Шуйский. Молодец!

Равнина близ Новгорода-Северского

(1604 года, 21 декабря)

Битва.

Воины *(бегут в беспорядке)*

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Входят ***капитаны Маржерет*** *и* ***Вальтер Розен.***

Маржерет

Куда, куда? Allons…[4] пошоль назад!

Один из беглецов

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

---

[4] Примечания: 4
Ну… (*фр.*)

Quoi? quoi?[5]

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni?..* Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.[6]

В. Розен

Es ist Schande.[7]

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous,

---

[5] Примечания: 5
Что? что? (*фр.*)

[6] Примечания: 6
Что это значит *православные?..* Рвань окаянная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать (*фр.*).

[7] Примечания: 7
Позор (*нем.*).

mein herr?[8]

В. Розен

Sie haben Recht.[9]

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?[10]

---

[8] Примечания: 8

Тысячу дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг — раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? (*фр.*)

[9] Примечания: 9

Вы правы (*нем.*).

[10] Примечания: 10

Черт, дело становится жарким! Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы помогаете, мейн герр? (*фр.*)



В. Розен

Oh, ja![11]

[11] Примечания: 11
О, да! (*нем.*)

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.[12]

В. Розен

Ich glaube das.[13]

Входят **немцы.**

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. — Messieurs!.. Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons![14]

В. Розен

---

[12] Примечания: 12

Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов (*фр.*).

[13] Примечания: 13

Я так полагаю (*нем.*).

[14] Примечания: 14

А вот и наши немцы! — Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться, и, черт возьми, пойдем в атаку! (*фр.*)

Sehr gut. Halt![15]

Немцы строятся.
Marsch![16]

Немцы *(идут)*

Hilf Gott![17]
Сражение. Русские снова бегут.

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий *(верхом)*

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

---

[15] Примечания: 15
Отлично. Стой! (*нем.*)

[16] Примечания: 16
Марш! (*нем.*)

[17] Примечания: 17
С нами Бог! (*нем.*)

Площадь перед собором в Москве

Народ.

Один

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый

Что? уж проклинали того?

Другой

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев — анафема!

Первый

Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

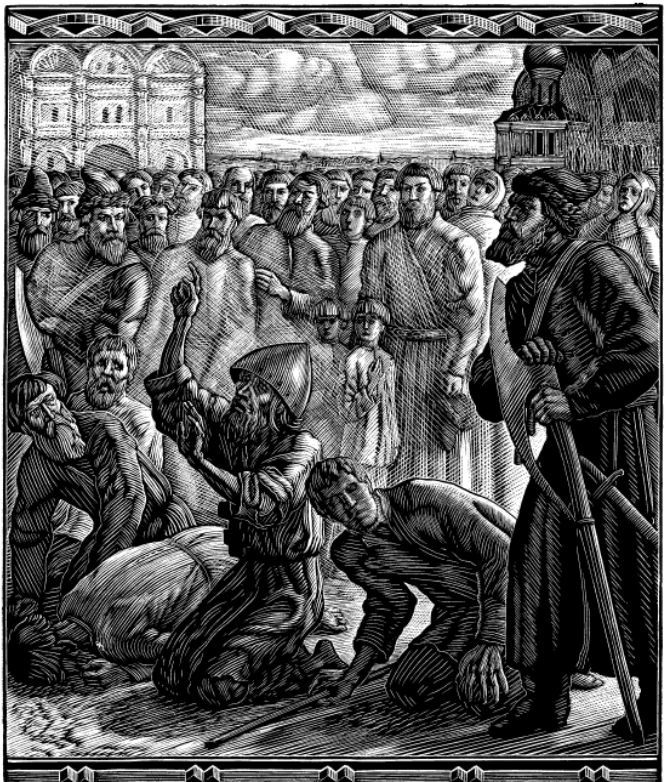
Первый

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?





Четвертый

Нет; это Юродивый.

Входит **Юродивый** в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.

Мальчишки

Николка, Николка — железный колпак!.. тр р р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. — Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый ***(садится на землю и поет)***

Месяц светит,

Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова.

Один из них

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)* Эк она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда! ну покажи.

Вырывает копеечку и убегает.

Юродивый *(плачет)*

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора. **Боярин** впереди раздает нищим милостыню. **Бояре.**

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают… Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

Уходит.

Юродивый ***(ему вслед)***

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

Севск

Самозванец, окруженный своими.

Самозванец

Лях

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец

Пленник

Самозванец (смеясь)

Все

Лях

Другой

Пленник

Лях

Пленник

Где пленный?

Здесь.

Позвать его ко мне.
Входит ***русский пленник.***
Кто ты?

Рожнов, московский дворянин.

Давно ли ты на службе?

С месяц будет.

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Как быть, не наша воля.

Сражался ты под Северским?

Я прибыл
Недели две по битве – из Москвы.

Что Годунов?

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

А зачем

Он отозвал Басманова в Москву?

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

Все, слава богу, тихо.

Что? ждут меня?

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

Да много ли его?

Бог ведает.

А будет тысяч тридцать?

Да наберешь и тысяч пятьдесят.
Самозванец задумывается. Окружающие смотрят друг на друга.

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

Так это я на деле
Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.
Уходит.

Да здравствует Димитрий!

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот моска́лей вызвать может.

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя
(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого,
(показывая кулак)
безмозглый!

Лях гордо смотрит на него и молча отходит. Все смеются.



Лес

Лжедимитрий, Пушкин.
В отдалении лежит конь издыхающий.

Лжедимитрий

Пушкин (про себя)

Самозванец

Пушкин

Самозванец (идет к своему коню)

Лях

Самозванец

Пушкин

Самозванец

Пушкин

Самозванец

Пушкин

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сраженье
И, раненый, как быстро нес меня.

Мой бедный конь!

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Куда! он издыхает.

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издохнет он.
(Разуздывает и расседлывает коня.)
Входят несколько ***ляхов.***
Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,

А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Он лег на поле смерти.

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Кто там ни виноват,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

А дело было наше;
Я было смял передовую рать —
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то – из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

А где-то нам сегодня ночевать?

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?

Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.

Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

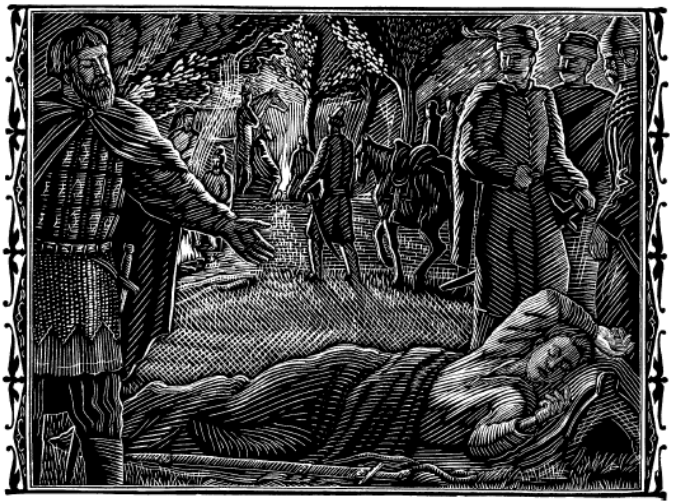
Приятный сон, царевич!

Разбитый в прах, спасаяся побегом,

Беспечен он, как глупое дитя;

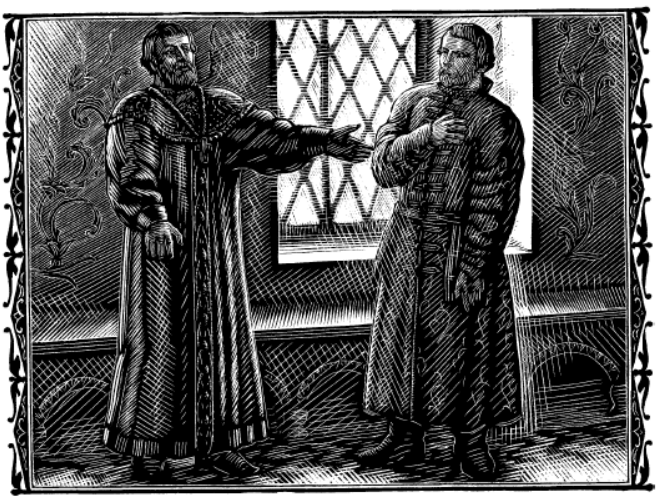
Хранит его, конечно, провиденье;

И мы, друзья, не станем унывать.



Москва. Царские палаты

Борис, Басманов.



Царь

Басманов

Царь

Басманов

Царь

Боярин

Царь

Басманов

Один

Другой

Третий

Четвертый

Басманов

Пятый

Шестой

Басманов

Пятый

Царь

Феодор (на коленях)

Царь

Бояре

Царь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Входит ***боярин.***

Что?

Привели гостей иноплеменных.

Иду принять; Басманов, погоди.

Останься здесь: с тобой еще мне нужно

Поговорить.

Уходит.

Высокий дух державный.

Дай бог ему с Отрепьевым проклятым

Управиться, и много, много он

Еще добра в России сотворит.

Мысль важная в уме его родилась.

Не надобно ей дать остыть. Какое

Мне поприще откроется, когда

Он сломит рог боярству родовому!

Соперников во брани я не знаю;

У царского престола стану первый…

И может быть… Но что за чудный шум?

Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и

шепчутся.

За лекарем!

Скорее к патриарху.

Царевича, царевича зовет!

Духовника!

Что сделалось такое?

Царь занемог.

Царь умирает.

Боже!

На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.
Царя выносят на стуле; все царское семейство, все бояре.

Подите все – оставьте одного
Царевича со мною.
Все удаляются.
Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!

Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья… так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти… чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за все один отвечу богу…
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно —
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен…
Я, с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный власти-

тель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу… слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом – а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова

Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская…
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.

Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Нет, нет – живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Все кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад…
Входит ***патриарх, святители,*** *за ними все* ***бояре.*** *Царицу ведут под руки, царевна рыдает.*
Кто там?
А! схима… так! святое постриженье…
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей…
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору… Басманов,
Друзья мои… при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен…
Клянетесь ли?

Клянемся.

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи

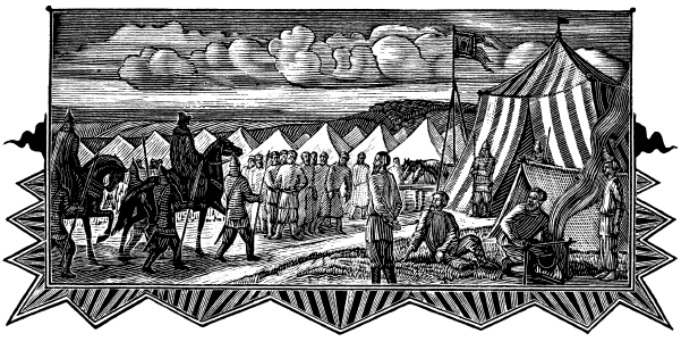
И вольные и тайные обиды…

Святый отец, приближься, я готов.

Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.



Ставка



Басманов вводит **Пушкина.**

Басманов

Пушкин

Басманов

Пушкин

Басманов

Пушкин

Басманов

Пушкин

Басманов

Пушкин

Басманов

Пушкин

Басманов

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр – я присягал ему.

Ты присягал наследнику престола

Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлю,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские… да что и говорить…
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помогой,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей

Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Узнаете вы завтра.

Решись.

Прощай.

Подумай же, Басманов.
Уходит.

Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому… Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность младого венценосца
Предательством ужасным запла-тить…
Опальному изгнаннику легко

Обдумывать мятеж и заговор,

Но мне ли, мне ль, любимцу государя…

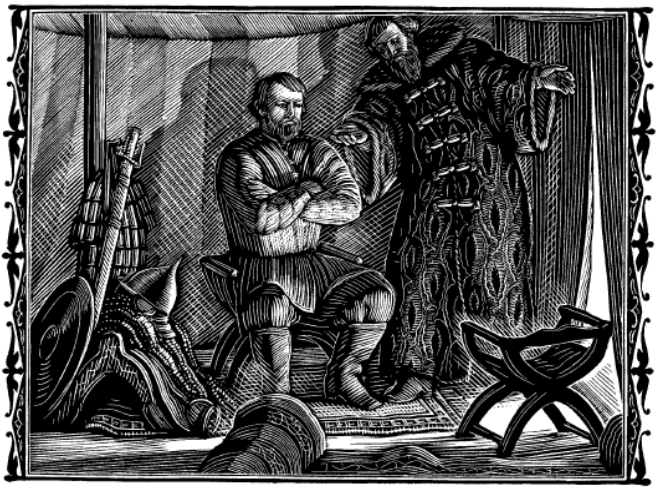
Но смерть… но власть… но бедствия народны…

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

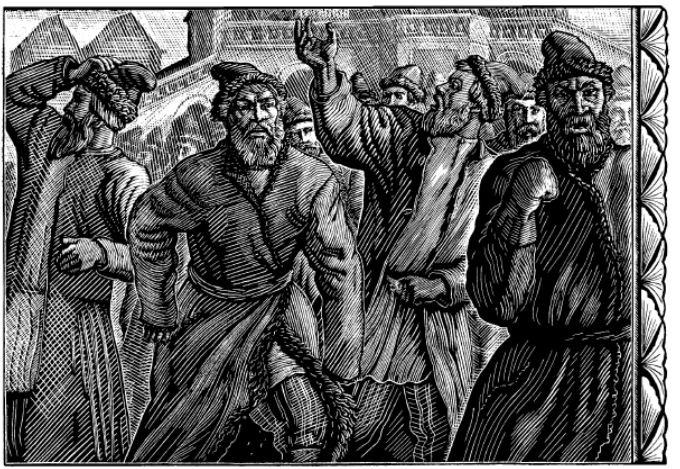
Коня! Трубите сбор.



Лобное место

Пушкин идет, окруженный **народом.**





Народ

Пушкин (на амвоне)

Народ

Пушкин

Народ

Мужик на амвоне

Народ (несется толпою)

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)
Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Вестимо нет.

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели

Под властию жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад – всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убегать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов – в сопровожденье грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритеся, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.
(Сходит.)
Шум народный.

Что толковать? Боярин правду молвил.

Да здравствует Димитрий, наш отец!

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!

Ступай! вязать Борисова щенка!

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!

Да гибнет род Бориса Годунова!

Кремль. Дом борисов
Стража у крыльца

Феодор под окном.

Нищий

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Феодор

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

Ксения под покрывалом подходит также к окну.

Один из народа

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения

Ах, братец, сердце замирает.

Голицын, Мосальский, Молчанов и **Шерефединов.** За ними **трое стрельцов.**

Народ

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.

Один из народа

Зачем они пришли?

Другой

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий

В самом деле? — слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся…

Народ

Слышишь? визг! — это женский голос — взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

Отворяются двери. **Мосальский** является на крыльце.

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ *безмолвствует.*



Конец



Сцены, исключенные из печатной редакции

1. ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ[18]

Григорий и злой **чернец.**

Григорий

Чернец

Григорий

Чернец

Григорий

Чернец

Григорий

Чернец

Григорий

Чернец

Григорий

Чернец

---

[18] Примечания: 18
Следовало после сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

Что за скука, что за горе наше бедное житье!

День приходит, день проходит – видно, слышно все одно:

Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.

Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать не́чего — соснешь;

Ночью долгою до света все не спится чернецу.

Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;

Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем.

Нот, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом.

Мир велик: мне путь дорога на четыре стороны,

Поминай как звали.

Правда: ваше горькое житье,

Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы

поднялась!

Так и быть! пошел бы с ними переведаться

мечом.

Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг

воскрес

И вскричал: «А где вы, дети, слуги верные

мои?

Вы подите на Бориса, на злодея моего,

Изловите супостата, приведите мне его!..»

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не

воскресить!

Нет, царевичу иное, видно, было суждено —

Но послушай: если дело затевать так затевать...

Что такое?

Если б я был так же молод, как и ты,

Если б ус не пробивала уж лихая седина...

Понимаешь?

Нет, нисколько.

Слушай: глупый наш народ

Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне;

А бояре в Годунове помнят равного себе;

Племя древнего варяга и теперь любезно всем.

Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...

Понимаешь?

(Молчание.)

Понимаю.

Что же скажешь?

Решено!
Я – Димитрий, я – царевич.

Дай мне руку: будешь царь.

2. ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ[19]

Уборная Марины.
Марина, Рузя убирает ее; служанки.

Марина *(перед зеркалом)*

Рузя

Марина

Рузя

Марина

Рузя

Марина

Рузя

---

[19] Примечания: 19
Следовало после сцены: «Краков. Дом Вишневецкого».

Марина

Рузя

Марина

Рузя

Марина

Рузя

Служанка (вбегает)

Марина

Рузя

Марина

Ну что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Позвольте; наперед решите выбор трудный:
Что вы наденете, жемчужную ли нить,
Иль полумесяц изумрудный?

Алмазный мой венец.

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы ездить во дворец.

На бале, говорят, как солнце вы блистали.

Мужчины ахали, красавицы шептали…

В то время, кажется, вас видел в первый раз

Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Нельзя ли поскорей.

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.

Царевич видел вас недаром,

Не мог он утаить восторга своего,

Уж ранен он; так надобно его

Сразить решительным ударом.

А точно, панна, он влюблен.

Вот месяц, как, оставя Краков,

Забыв войну, московский трон,

В гостях у нас пирует он

И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! дождусь ли дня?..

Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий повезет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

Ты разве думаешь – царицей буду я?

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою
Равняться здесь с моею госпожою?
Род Мнишков – ничьему еще не уступал;
Умом – превыше вы похвал…
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит —
Кто б ни был он, хоть наш король
Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, бог весть отколь.

Он точно царский сын и признан целым светом.

А все ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

Скрывался он.

Не спорю я об этом —

А только знаете ли вы,

Что говорят о нем в народе?

Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,

Известный плут в своем приходе.

Какие глупости!

О, я не верю им —

Я только говорю, что должен он конечно

Благословлять еще судьбу, когда сердечно

Вы предпочли его другим.

Уж гости съехались.

Вот видишь: ты до света

Готова пустяки болтать,

А между тем я не одета…

Сейчас готово все.

Служанки суетятся.

Мне должно все узнать.

Д. Д. Благой. Примечания

Шуйский — Шуйский Василий Иванович (1552–1612), князь из рода Рюриковичей. В 1587 году был сослан за участие в заговоре против Бориса Годунова, но вскоре снова возвращен в Москву. Назначенный Годуновым вести следствие по делу о смерти царевича Димитрия, отстаивал полную непричастность к ней Годунова. После смерти Годунова торжественно признал Лжедимитрия истинным сыном Ивана IV (Грозного). Через год организовал против него заговор и был провозглашен царем. В 1610 году был свергнут и пострижен в монахи. Умер в Польше. Личность Шуйского очень интересовала Пушкина, предполагавшего еще раз вернуться к его изображению.

Борис — Годунов Борис Федорович (ок. 1551–1605), из костромских нетитулованных бояр, род которых, считалось, происходил от татарского мурзы. Выдвинулся при Иване IV. Упрочил свое положение браком на дочери ближайшего помощника царя в борьбе с родовитым боярством, Малюты Скуратова-Бельского, и выдачей своей сестры Ирины замуж за сына Ивана IV, Федора

Ивановича. Во время царствования малоумного Федора стоял во главе государственного управления с титулом правителя. По смерти Федора, вдова которого Ирина постриглась в монахини, Годунов вследствие гибели царевича Димитрия, являвшегося последним представителем царствующей династии Рюриковичей, был выбран земским собором на царство.

Ни патриарх, ни думные бояре… — Патриарх — глава Церкви; патриаршество на Руси было учреждено в 1589 году при Федоре Ивановиче во время правления Бориса Годунова. Патриархом был поставлен приверженец Годунова Иов, в свою очередь особенно способствовавший избранию Бориса на царство. Думные бояре — члены Боярской думы, высшего правительственного органа Московского государства. От имени Боярской думы патриарх предложил Годунову занять царский престол.

…Ни голосу Великого Собора. — Для решения особо важных государственных вопросов созывался Земский собор из представителей боярства, духовенства, дворянства и купечества. Такой собор созван был 17 февраля 1598 года для избрания нового царя.

…Благословить Бориса на державу… — благо-

словить на царство.

Монахиня-царица — Ирина Федоровна, вдова царя Федора Ивановича, сестра Бориса Годунова.

…понапрасну лилася кровь царевича-младенца… — Имеется в виду Димитрий-царевич, сын Ивана IV от его седьмой жены, Марии Нагой. После смерти отца малолетний царевич был отправлен вместе с матерью в Углич, где и погиб в 1591 году от смертельной раны в горло. Был ли он убит или сам напоролся на нож во время припадка падучей болезни, как признала комиссия, посланная из Москвы во главе с В. И. Шуйским, точно не установлено.

Кто подкупал напрасно Чепчугова? — По свидетельству летописи, Борис Годунов безуспешно подговаривал воеводу Н. И. Чепчугова к убийству Димитрия.

Кто подослал обоих Битяговских С Качаловым? — Дьяк Михайло Битяговский был прислан Годуновым в Углич для управления двором царицы Марии Нагой; он, его сын Данило и племянник Н. Д. Качалов были умерщвлены народом, заподозрившим их в убийстве царевича Димитрия.

…Да в добрый час, как дядю моего… тихонько б задавили. — Имеется в виду брат деда В. И. Шуйского, князь Андрей Иванович Шуйский. В 1587

году за организацию заговора против Годунова был сослан в Каргополь и там удавлен.

…Возьмет венец и бармы Мономаха… — Мономах Владимир (1053–1125) — великий князь Киевский. Венец и бармы (шитые жемчугом царские наплечные украшения), по преданию, были присланы ему византийским императором. Этим венцом — шапкой Мономаха — венчались на царство все московские цари до Петра I.

Не мало нас, наследников варяга… — то есть наследников легендарного основателя Русского государства и родоначальника ряда княжеских и дворянских фамилий Рюрика, выходца из Скандинавии.

…прогнал Святителей. — Святители — высшее духовенство.

Верховный дьяк — чиновник, ведавший делами Боярской думы; при Иване Грозном, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове им был В. Я. Щелкалов, один из близких людей Годунова.

С Красного крыльца. — Красное крыльцо — парадное крыльцо во дворце московских царей.

…хоругвями святыми… — Хоругвь — большое полотнище на длинном древке с изображением святых и т. п.

Воздвижется — поднимется, пойдет.

Синклит — высшие сановники.

Сонм — толпа, множество.

…вот бука, бука… — Бука — фантастическое существо, которым пугали маленьких детей.

Наследую могущим Иоаннам… и ангелу-царю!.. — царям Ивану III (1440–1505), Ивану IV (1530–1584) и Федору Ивановичу (1557–1598).

…поклонимся гробам Почиющих властителей России… — Местом погребения московских царей был Архангельский собор в Московском Кремле.

В Чудовом монастыре. — Чудов монастырь был в Московском Кремле; основан в XIV веке; состоял в ведении патриарха.

Григорий. — При появлении в Польше лица, назвавшего себя царевичем Димитрием, сыном Грозного, правительство Годунова объявило, что он беглый монах Гришка Отрепьев из боярских детей — мелкого служилого военного сословия Московской Руси. Тождество Лжедимитрия и Григория Отрепьева окончательно не установлено, но является наиболее вероятным.

…от хартий отряхнув… — Хартия — старинная рукопись.

…дьяк, в приказах поседелый… — Дьяк — чиновник, работавший в центральных административно-судебных учреждениях Московской Руси

— приказах.

И днесь и присно — и сегодня, и всегда.

Ты воевал под башнями Казани… — участвовал в осаде и взятии Казани (центр Казанского татарского ханства) Иваном IV.

…Ты рать Литвы при Шуйском отражал… — участвовал в Ливонской войне, во время которой отец В. И. Шуйского, воевода Иван Петрович Шуйский, прославился защитой Пскова, осажденного литовцами.

Клобук — монашеский головной убор.

Царь Иоанн искал успокоенья… — Ивану IV приходилось вести непрестанную и жестокую борьбу с реакционным феодальным боярством, сопротивлявшимся политике централизации Русского государства. Борьба эта велась крайне жестокими средствами.

…Кромешники в тафьях и власяницах… — Кромешники — то есть обитатели кромешной тьмы, грешники. Пимен называет так опричников, телохранителей Ивана IV, ближайших его пособников в террористической борьбе с реакционным боярством; тафья — круглая восточная шапочка, шитая золотом и жемчугом; власяница — волосяная одежда, носившаяся на голом теле с целью особого религиозного подвижничества.

…являлись чернецами… — Чернецы — монахи.

…игуменом смиренным. — Игумен — монах, стоявший во главе монастыря.

…И схиму здесь честную восприму… — Схима — высшая монашеская степень, налагавшая на ее носителя особенно суровые, аскетические обязанности.

…житие молчальника. — Молчальник — монах, давший обет вечного молчания.

Зане — так как, потому что.

…Во храмине… — в комнате, палатах.

Преставился — скончался, умер.

…На некое был послан послушанье… — Послушанье — задание, выполняемое монахом по специальному поручению монастырского начальства.

…Безбожную предательницу-мамку… — Василиса Волохова, кормилица царевича Димитрия, по преданию — участница его убийства.

…Вслед… бежавшим трем убийцам… — сыну Битяговского, его племяннику Качалову и сыну мамки Димитрия, Осипу Волохову.

…И привели пред теплый труп младенца… — По средневековому поверью, труп убитого на несколько мгновений оживает в присутствии своего убийцы и тем изобличает его.

…Угодников святые чудеса… — Угодники — праведники, святые.

…К заутрене… — к ранней церковной службе.

Каноны — церковные песнопения.

Ах он, сосуд диавольский! — вместилище злого духа; патриарх хочет сказать, что намерение Григория стать «царем на Москве» внушено злым духом, дьяволом.

…дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву… — Борис Годунов приказал дьяку Смирнову отправить Григория в монастырь на Соловецком острове в Белом море (на него ссылали провинившихся монахов); дьяк Ефимьев, по Карамзину, будучи свойственником Отрепьевых, помог Григорию спастись бегством.

Ересь — ложное учение, ложная мысль.

Два стольника. — Стольник — младшая придворная должность.

Алчем — страстно желаем.

Бог насылал на землю нашу глад… — В результате крепостнической политики Бориса Годунова, в течение трех лет (1601–1603) в стране свирепствовал жесточайший голод, при котором, по словам современника, «люди ядоша друг друга». Помощь, которую оказывал царь, не могла утишить недовольство народа. В 1603 году началось

крестьянское восстание под предводительством атамана Хлопка, отряд которого подступал к самой Москве и был с трудом отброшен от нее.

Пожарный огнь их домы истребил… — Вскоре после загадочной смерти царевича Димитрия, в июне того же 1591 года, в Москве вспыхнул страшный пожар, уничтоживший лучшую часть города. Борис, бывший тогда правителем государства, помогал погорельцам, но в народе распространились слухи, что он сам поджег город, чтобы последующей помощью расположить к себе жителей столицы.

…смерть уносит жениха… — Женихом Ксении Годуновой был брат датского короля Христиана IV; умер вскоре по приезде в Россию.

Бродяги-чернецы — беглые монахи.

Григорий Отрепьев, мирянином… — Мирянин — человек, в противоположность монаху, живущий среди людей — «в миру».

Гудок — род старинной скрипки в три струны.

Скоморох — в Древней Руси певец-музыкант, актер и т. п.

…кобылу нюхал… — Кобыла — скамья, на которой производились телесные наказания.

Вот тебе, бабушка, Юрьев день. — Юрьев день — день 26 ноября. Безземельные крестьяне издав-

на имели право переходить с места на место, от одного помещика к другому в период времени за неделю до Юрьева дня и в течение недели после него. Отмена Юрьева дня, которая связывалась с именем Годунова (на самом деле Юрьев день начал отменять уже Иван Грозный), положила начало полному закрепощению крестьян. Отсюда и поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Отмена Юрьева дня была выгодна средним и мелким помещикам, боявшимся конкуренции со стороны крупнопоместной знати, до отмены Юрьева дня всегда имевшей возможность предложить крестьянам более выгодные условия и благодаря этому переманить их на свои земли. Для многоземельного боярства в силу той же причины уничтожение Юрьева дня, наоборот, было крайне нежелательно. Этим и объясняется раздражение против Годунова со стороны представителей боярства в лице Пушкина и Шуйского.

Столбовая дорога — большая проезжая дорога с верстовыми столбами.

Прииде грех велий на языцы земнии — церковно-славянская фраза; значит: распространился грех великий на земные народы.

...пустилися... в мытарства... — то есть в обма-

ны, в плутовство.

…трех полушек не вымолишь… — Полушка — старинная монета, равная половине гроша, то есть четверти копейки.

У нашего пономаря. — Пономарь — низшая церковная должность.

Царю небес, везде и присно сущий… — Царь Небес, везде и всегда существующий. Царю — форма старинного звательного падежа, употреблявшегося при обращении к лицу или предмету. Молитва, которую читает мальчик, является близким переложением молитвы, составленной по приказанию Бориса для обязательного ежедневного чтения за столом.

Пушкин — Пушкин Афанасий Михайлович — предок поэта; в родословных такого лица нет. Историческим прототипом для него послужил, очевидно, думный дворянин Остафий Михайлович Пушкин, военный и административный деятель времени Ивана IV — Годунова; О. М. Пушкин подписался под соборным решением об избрании Бориса Годунова на царство, но в 1601 году, по доносу его слуг, был сослан вместе с братьями в опалу, в Сибирь, и поэтому не мог находиться в Москве в момент появления в Польше Самозванца. По-видимому, именно потому Пуш-

кин, не желая отступать от исторических фактов, и заменил имя Остафий на условное Афанасий.

Племянник мой, Гаврила Пушкин… — думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин, личность которого очень интересовала поэта. «Гаврила Пушкин — один из моих предков, — писал о нем поэт, — я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». В трагедии активная роль Гаврилы Пушкина в борьбе против Бориса на стороне Самозванца поэтом еще более усилена.

…Из Кракова гонца… — Краков с 1319 по 1610 год был столицей Польши.

…он слугою был У Вишневецкого… — Вишневецкий Адам — представитель старинного литовского княжеского рода; первым признал Самозванца сыном Грозного, Димитрием, и представил его своему родственнику, князю К. К. Вишневецкому, который, в свою очередь, познакомил его со своим свояком Юрием Мнишком.

…уехал к Сигизмунду. — Сигизмунд III (1566–1632) — польский король с 1587 года. За военную помощь в борьбе с Годуновым Самозванец обещал ему отдать исконные русские земли — Северщи-

ну и Смоленщину.

Московских беглецов обворожил. — Имеются в виду родовитые бояре, бежавшие в Польшу.

Латинские попы — католические священники-иезуиты. Самозванец, тайно принявший католичество, обещал иезуитам сделать католицизм официальной религией Московского государства.

Где Сицкие… где Шестуновы, Романовы?.. — Сицкие — из княжеского рода, родственники Романовых; в 1691 году за участие в заговоре против Годунова И. В. Сицкий и его жена были насильно пострижены в монахи, сын их заточен в монастырь и там убит. Шестуновы — потомки князей Ярославских; по доносу их холопа, получившего щедрое вознаграждение, были сосланы за участие в заговоре Романовых против Бориса Годунова в 1601 году. Романовы — старинный боярский род; по делу о заговоре против Годунова пять братьев Романовых были в 1601 году разосланы по разным городам.

…Всё языки, готовые продать… — доносчики.

…Правительством подкупленные воры. — Слово «вор» употреблялось в то время в значении неверного человека, бунтовщика, предателя.

Приказ холопий — центральное правитель-

ственное учреждение, ведавшее всеми делами о крестьянах.

Чертеж земли московской… — Борис Годунов постарался дать своему сыну Федору Борисовичу (1589–1605) хорошее образование. Федор принял участие в составлении лучшей для того времени карты Русского государства — Московской Руси. После смерти отца, 13 апреля 1605 года, Федор занял царский престол, но вскоре был свергнут сторонниками Самозванца и убит вместе со своей матерью 10 июня того же года.

…Все под руку достанутся твою… — Имеется в виду: перейдут в твою власть, в твое управление.

Державный труд — по управлению государством.

Семен Годунов — родственник Бориса Годунова, Семен Никитич Годунов; руководил при нем политическим сыском; по приказу самозванца был сослан в Переяславль и там удавлен в 1605 году.

…Милославских, Бутурлиных, Михайла Салтыкова… — Милославские — русский дворянский род. Бутурлины — древний дворянский род, считали, как и Пушкины, своим родоначальником Радшу. Салтыков Михаил Глебович при царе Борисе исполнял ответственные поручения; после смерти Бориса перешел на сторону Самозванца.

Супостат — противник, враг.

…сорвет с меня порфиру… — Порфира — плащ, мантия, подбитая горностаем, торжественная царская одежда.

Pater Черниковский — католический священник, иезуит, сопровождавший Самозванца в его походе на Москву.

Северная церковь. — Имеется в виду Русская Православная Церковь.

…власть наместника Петра. — Имеется в виду власть Римского Папы, главы Католической церкви.

Святый Игнатий — Лойола Игнатий, основатель в 1540 году реакционнейшего католического монашеского ордена иезуитов, поставившего своей целью защиту Католической церкви от протестантства и «ересей» и распространение католицизма по всей земле.

..тред оглашенным светом… — перед незнающими, непонимающими, непосвященными людьми.

Мнишек — Мнишек Юрий (Ежи) — сандомирский воевода, один из инициаторов интервенции польских феодалов в Россию, осуществленной под видом помощи «законному» царю Лжедимитрию.

…Остановлюсь в Самборе. — Самбор — город на реке Днестре, где находилось родовое гнездо Мнишков.

…Прелестную Марину… — дочь Мнишка.

Литва и Русь. — Литва — княжество, граничившее на северо-западе с Московским государством. В1569 году было соединено с Польшей. Отсюда «Литва и Русь» в устах Самозванца значит: поляки и русские.

Ты родственник казанскому герою? — «Казанским героем» Самозванец называет князя Андрея Михайловича Курбского (1528–1583), родом из Рюриковичей; сначала он был любимцем Ивана IV и принимал активное участие во взятии Казани. В дальнейшем Курбский, идеолог реакционного боярства, не только стал в оппозицию к централизующей политике царя, но и пошел на прямую измену: бежал в Польшу и во главе одной из польских армий воевал против русских. У Курбского действительно был сын Димитрий, родившийся в Польше в 1581 году, но никакого участия в авантюре Самозванца он не принимал.

…ветхий город Ольгин… — Псков.

…В Волынии… — Древнерусская область Волынь в XVI веке находилась под властью Польши.

…дарованных ему Баторием. — Баторий Стефан

— польский король с 1575 по 1586 год.

Шляхтич — польский дворянин.

Карела — Карела Андрей, атаман донских казаков, выступил на стороне Самозванца и, захватив крепость Кромы, недалеко от Орла, защищал ее от войск Годунова до самой смерти последнего.

Бунчуки — войсковые знаки в казачьих войсках: длинная палка с шаром на конце и привязанными к нему несколькими конскими хвостами.

…союз меча и лиры… — союз воинской славы и поэзии. В поэте («пиите»), который подносит стихи Самозванцу, дан собирательный образ продажных поэтов-одописцев, слагавших хвалебные стихи сильным мира в надежде на щедрую награду, которую заранее и обещает ему Самозванец в произносимой им латинской фразе.

Парнасские цветы — стихи.

Польский — полонез, торжественный старинный польский танец.

…Приверженность… клевретов… — Клевреты — сторонники.

…Знай: отдаю… я руку Наследнику московского престола… — Пушкина очень занимал характер Марины Мнишек. «Конечно, это была самая странная из хорошеньких женщин, — писал он. — У нее была только одна страсть — часто-

любие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить». Замуж за Лжедимитрия Марина вышла только тогда, когда он вступил на московский престол. Через неделю после этого Лжедимитрий был свергнут и убит народом. После тщетных попыток вернуть московский престол, во имя чего Марина соединила свою судьбу сперва со вторым самозванцем, Лжедимитрием II (так называемым Тушинским вором), потом с казачьим атаманом Заруцким, она бежала на Урал, где была схвачена яицкими казаками и умерла в заточении в 1614 году.

К более развернутому изображению характера и судьбы Марины Пушкин предполагал вернуться в одной задуманной им, но неосуществленной исторической пьесе.

Бедный черноризец — бедный монах.

…буйные курени… — Курень — войсковое объединение запорожских казаков.

…в красную Москву… — Красная (красивая) — постоянный народный эпитет.

Расстрига — монах, лишенный сана.

…Ты, Трубецкой, и ты, Басманов… — Трубецкой Никита Романович — князь; Басманов Петр Федорович — внук и сын опричников Ивана IV, обвиненных им в измене и казненных. Пред-

ставитель неродовитого служилого дворянства, Басманов при Борисе Годунове служил в воеводах; перейдя после смерти Бориса на сторону Самозванца, через год был убит вместе с ним.

Свейский государь — шведский король.

…Служителей причетных. — То есть церковных и монастырских прислужников.

…Указ царя и приговор боярский. — Имеется в виду юридическая формула, сообщавшая данному постановлению силу закона.

…И зелием и тайным нашептаньем… — то есть лекарством и заговором.

Маржерет — Маржерет Жак, выходец из Франции; был поставлен Годуновым во главе наемного конного отряда иноземцев; позднее служил Лжедимитрию I, Василию Шуйскому и Лжедимитрию II.

Вальтер Розен — ливонский дворянин, командовавший отрядом наемной немецкой пехоты Годунова.

Анафема — отлучение от Церкви, проклятие.

Юродивый — дурачок, безумец или прикидывавшийся таковым; в Древней Руси считался «Божьим человеком», обладавшим даром предвидеть будущее.

…обвешанный веригами… — Вериги — желез-

ные цепи, полосы и т. п., носившиеся на голом теле в качестве особого религиозного подвижничества. Карамзин рассказывает в «Истории Государства Российского» о двух юродивых. Один из них имел прозвище Большой Колпак; другой, еще в первый период царствования Годунова, «с распущенными волосами, ходя по улицам нагой в жестокие морозы… предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса».

…нельзя молиться за царя Ирода… — Ирод, царь Иудеи, по евангельскому преданию, приказал убить всех младенцев мужского пола, опасаясь, что между ними может быть будущий претендент на царство.

…раной Мстиславского… — Князь Федор Иванович Мстиславский — из знатнейшего боярского рода: с 1586 года — первый член Боярской думы. Годуновым был назначен командующим войсками против Самозванца.

…Пускай их спесь о местничестве тужит… — В Московской Руси государственные должности распределялись не по личным заслугам, а по относительной знатности рода. Уничтожено местничество было значительно позднее, при царе Федоре Алексеевиче, в 1682 году.

Разрядны книги — Разрядные книги, в кото-

рые заносились царские указы о назначении на военную и гражданскую службу. Записи эти тщательно учитывались при новых назначениях и служили главным основанием для местничества; были сожжены при его уничтожении.

Иоанн, смиритель бурь — царь Иван III.

Его свирепый внук — царь Иван IV (Грозный).

Духовника! — Духовник — священник, принимающий исповедь.

…сей чудный самозванец… — Чудный — здесь: странный, таинственный.

…твоего… дядю… — имеется в виду царь Федор Иванович.

…Целуйте крест Феодору… — то есть клянитесь в верности на распятии.

…Он для меня презрел и чин разрядный… — то есть назначил на должность, не считаясь со старшинством рода, закрепленным в разрядных книгах.

На амвоне. — Амвон — здесь: возвышение.

…на внука Мономаха… — здесь: в смысле потомка Мономаха.

…жаловать… людей приказных… — Приказные — чиновники.

Это Голицын, Мосальский. — Голицын Василий Васильевич, князь, принимал деятельное

участие в боях против Самозванца. После смерти Бориса способствовал переходу войск на сторону Самозванца и был участником убийства вдовы Годунова Марии и его сына Федора. Мосальский, князь из захудалого рода, в 1604 году сдал Путивль Самозванцу, сделавшись одним из наиболее близких ему лиц.

Молчанов и Шерефединов. — Молчанов — дворянин, был близок к Борису Годунову; впоследствии принял участие в убийстве его сына Федора. Шерефединов Андрей — дьяк, участник убийства Марии и Федора Годуновых.